

Мовазнаўства

Е. И. ЯНОВИЧ

ОТЫМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ И ПРЕДЛОГИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

Круг вопросов, связанных с предложным функционированием наречий, достаточно разнообразен. Остановимся лишь на некоторых, наиболее близких к интересующей нас теме возникновения и истории развития наречий и наречных типов. Прежде всего это вопрос о причине употребления наречий в функции предлогов. Говоря о наречиях отыменного происхождения, причину этого следует усматривать в способах выражения дополнений в тех случаях, когда они подвергаются синтаксическому преобразованию под воздействием целого комплекса лексико-грамматических и семантических факторов. Если такие дополнения имеют свои дополнения, то первые с утратой субстантивности превращаются в формальные слова, выражающие отношение признака к субстанции¹. Этот момент закрепления релятивности в значениях таких слов и означает становление их как наречий с управляемым именем. Возможен и другой путь возникновения таких сочетаний, когда «между названием признака (глаголом и прилагательным) и названием субстанции (выраженным косвенным падежом существительного) является название отношений (наречие)»², которое представляет особую, уже сложившуюся грамматическую единицу.

Необходимо учитывать указанное различие путей формирования сочетаний предложных наречий с именами при решении вопроса о том, каково отношение первых к категории наречия и предлога и каким образом происходит превращение их в предлоги. Долгое время в лингвистической литературе было авторитетным мнение, что образование предлогов на базе сочетаний полнозначных слов возможно только посредством онаречивания последних, только лишь через этап наречия³. В последнее время находит подтверждение и развитие другая точка зрения, которая исключает обязательность наречного этапа в появлении предлогов на базе падежных или предложно-падежных форм имени⁴.

В основе перехода как имен, так и наречий в предлоги лежит изменение категориального состояния слова. Естественно, между именем и предлогом лежит более глубокое различие, чем между наречием и предлогом, в силу того, что и наречия, и предлоги предназначены не для обозначения понятий о субъекте, объекте или действии, а для выражения отношений между ними, в различной степени формализованных. Но приобретение словом, будь то имя или наречие, грамматических свойств предлога должно проходить в одном направлении, а именно — в направлении полной утраты предметности значения слова.

Поэтому для решения вопроса о грамматической природе слов, выступающих как предложные наречия, следует учитывать, какими свойствами, лексическими и грамматическими, сближающими их с наречиями или с предлогами, они обладают. Наиболее существенными в этом отношении, по мнению многих исследователей, являются такие показатели, как способность или неспособность предложных наречий соче-

таться с падежными формами существительных, а также семантическая соотносительность или несоотносительность наречия и предлога, которая может проявляться и как семантический отрыв предлога от наречия. Наряду с этим представляется целесообразным для решения вопроса о становлении предлогов на базе предложных наречий учитывать и такой фактор, как наличие или отсутствие семантической соотносительности не только предлога и наречия, но также предлога и соответствующей падежной формы имени. Это может свидетельствовать о предложной функции последней, развивающейся независимо от ее наречного употребления.

Как уже отмечалось, семантика имени в значительной мере способна предопределить те категориально-грамматические преобразования, которым подвергается та или иная словоформа в условиях необычного для нее смыслового или синтаксического контекста.

Зависимость между семантикой имени и способностью его словоформ подвергаться процессам как адвербиализации, так и прономинализации, весьма ярко проявляется в кругу производных наречий и предлогов, мотивированных основами *вѣрхъ*-, *передъ*-, *задъ*-, *середъ*- и под. Данные письменных памятников русского языка разных исторических эпох, которые послужили материалом настоящей работы, свидетельствуют, что такие образования, как *верху*, *среде*, *впредь*, *созади* в течение длительного исторического периода развития русского языка выступали одновременно в качестве наречий и предлогов, управлявших, как правило, родительным или дательным падежом. Каким же образом формировалась их бифункциональность, та отличительная грамматическая черта, которая присуща образованиям типа *верху*, *впредь* и др. уже в древнейшие исторические эпохи?

Прежде всего, следует отметить, что широкое совмещение наречных и предложных функций характерно для производных лексических единиц, мотивированных именами одной лексико-тематической группы. Своеобразие слов этой группы составляет наличие в их семантическом объеме таких компонентов, как понятие «часть предмета, определяемая по признаку расположения по отношению к другому предмету» и более общее понятие «сфера пространства, определяемая по отношению к ней соответствующих частей предметов». Но в обоих случаях в значениях слов этой группы представлено понятие части целого. Именно эта специфика лексического значения слов *вѣрхъ*, *передъ* и др. предопределяла их способность сочетаться с формой родительного падежа зависимого имени. Предложная функция лексем, обозначающих часть по отношению к целому, могла развиваться на базе таких сочетаний как результат выветривания конкретно-предметного значения и связанного с ним углубления обобщенно-релятивного значения. Сказанное позволяет предполагать, что в данном случае становление предлогов на базе падежных и предложно-падежных форм слова происходило не по «цепочке»: имя — наречие — предлог, а в результате параллельного становления наречия и предлога на базе именных форм, в связи с различными синтаксическими позициями последних: в сочетании с зависимым именем или вне таких сочетаний.

О том, как протекал процесс формирования предлогов, материально тождественных некоторым наречиям отыменного происхождения, можно судить, принимая во внимание ряд особенностей, характеризующих употребление так называемых предложных наречий в языке исторических памятников. Определенную специфику в их употреблении составляет, в частности, сохранение в ряде случаев в семантике предложных наречий тесной связи с предметным значением мотивирующего имени, в то время как адвербиализация соответствующих именных форм должна была означать устранение понятия предметности, субстантивности. Эта особенность широко представлена в значениях предложных наречий, мотивированных основой *вѣрхъ*: *верхъ*, *зерху*, *вверху*, *наверху*. Наряду с выражением пространственно-релятивных значений «на» и «над» эти наречия

в предложной позиции могли также иметь локальное значение «в верхней части чего-либо», например: сътворити имаши колесниѹ малоу и положить *верхъ ея* ковчегъ высоце⁶, и възревъ блжннй *врхоу вратъ* домоу велика написаноу иконоу мтре бѣя⁷; но яко же рече господь не можетъ градъ укрытись *вверху горы* стоя⁸; и постыникомъ жилища *на врхоу горъ* осщахоуся⁹. Сочетаниям типа *врхоу вратъ*, *на врхоу горъ* присуще обстоятельственное значение, которое заключается в определении положения предмета не относительно какой-либо сферы пространства, а относительно другого предмета. Это придает обстоятельному значению таких словосочетаний предметный характер, что в определенной мере противоречит рассмотрению их как сочетаний наречия с зависимым существительным. В то же время вряд ли будет правильно определить образования *верхъ*, *врхоу*, *вверху*, *наверхоу* в таких позициях как словоформы имени: с этим не согласуются признаки их формализации, которые можно усмотреть, в частности, в вариантности предлогов *в* и *на*. В других, аналогичных, случаях употребления рассматриваемых образований с предметно-обстоятельным значением признаком формализации является «непарадигматичность» их морфемного состава, например, употребление образования *наверхъ* для определения местоположения: *на верхъ того терема* стоять Христось, сделанъ сребромъ яко въ мужа более¹⁰; или употребление образования *отверхъ* для выражения обстоятельства направления: А рубежъ сыну, князю Ивану... *от верхъ озера* к Максимкову дворищу¹¹.

Падежные и предложно-падежные формы слова *верхъ* в составе указанных сочетаний с зависимыми существительными не могут быть определены как адвербиализованные и в то же время не являются существительными в свободном употреблении. По нашему мнению, в этих случаях мы имеем дело с особым этапом становления именных словоформ в качестве предлогов, которые оказались материально тождественными наречиям, сложившимся на базе тех же словоформ, но в иных синтаксических условиях, вне сочетаний с зависимыми существительными.

Тот же этап в развитии именных словоформ *съзади*, *напреди*, *спреди* как предлогов отмечен в следующих случаях их употребления в предложной позиции, но с предметным оттенком обстоятельного значения «в задней части чего-л.», «в передней части чего-л.»: Соломонъ створи слоноу престолъ... имоушь степении б и образъ телечъ *съзади его* (Хр. Ам., 92 г); двери же еи двоя оукрашены... *напреди ихъ* же бе изделанъ Спсъ¹²; две пелены, *спреди престола* золотная¹³. Семантическая общность мотивирующих основ этих слов *зад-*, *перед-* и мотивирующей основы *врхъ*-, образования от которой были рассмотрены выше, предопределили единство тех способов, которыми протекали процессы прономинализации и адвербиализации соответствующих форм.

К рассматриваемой лексико-тематической группе мотивирующих слов относится и слово *середа* (*среда*), которое наряду с указанными выше значениями «часть предмета» и «сфера пространства» обладало также значением «среда, общество». В соответствии с семантической структурой этого слова его падежные и предложно-падежные формы переживали процессы как адвербиализации, так и прономинализации. В ходе последнего и отмечены такие случаи употребления их в предложной позиции, которые были уже определены как особый этап на пути преобразования именных форм в предлоги. Специфика обстоятельно-релятивного значения этих форм проявляется в сочетаемости форм слова *середа* (*среда*) со словами, обозначающими лиц или живых существ, для выражения значения «в окружении, среди», например: бѣше етеръ чърньнь *среде епсѣ*¹⁴; живяше *посреди рода* своего (МЛС, 1240, л. 165); яко голубица *посреде крагуев* ныряеть и так и сяк¹⁵.

В сочетаниях, подобных приведенным, предложная функция слов,

восходящих к формам слова *середа* (*среда*), не могла быть основана на их синтаксической способности управлять зависимым именем в родительном падеже в соответствии с понятием выделения части из целого. Только с учетом значения «среда, общество» у слова *середа* (*среда*) можно объяснить употребление его в составе таких сочетаний, на основе которых сложилась одна из грамматических функций предлогов, мотивированных основой *серед-* (*сред-*).

Характерно, что предлоги, восходящие, так же как и наречия, к падежным и предложно-падежным формам имен рассматриваемой лексико-тематической группы, унаследовали от них способность управлять только родительным или дательным падежами в значении выделения или определения (в соответствии с именной семантикой, включающей понятие части, выделяемой по отношению к целому).

Следует обратить внимание и на то, что синонимичное наречиям с основой *вѣрх-* наречие *горе*, мотивированное словом с иным семантическим содержанием, неизвестно в предложной позиции. Это и понятно: слово *гора* не обладало способностью управлять зависимым существительным, поэтому словоформа *горе* могла подвергнуться процессу адвербиализации, но не прономинализации.

Показательно также, что отыменное образование *межи* (*между*, *промежи* и др.) в языке исторических памятников было известно только в предложной позиции, но как наречие не употреблялось. Различие в судьбе этого образования и синонимичных образований от основы *серед-* (*сред-*), широко известных как в качестве предлогов, так и в качестве наречий, оказывается также связанным с различием в семантике слов *межа* и *середа*. Первое обладало значениями «предел», «граница», которые обуславливали возможность сочетания с зависимыми существительными в родительном падеже с дальнейшей формализацией этого типа отношений. Вместе с тем отсутствие в семантике слова *межа* такого компонента, как отвлеченное понятие определенной сферы пространства (в отличие от слова *середа*), и послужило, по-видимому, причиной того, что процесс адвербиализации не затронул ни одной формы слова *межа*. В то же время формы слова *середа* широко участвовали как в процессе прономинализации (на базе сочетаний с зависимыми или поясняющими существительными), так и адвербиализации (вне таких сочетаний).

Итак, не всегда употребление наречий в предложной функции становится возможным лишь в силу формализации наречия. В случае формирования предлогов, восходящих к именам, категориальное преобразование имени в предлог могло происходить, исключая этап наречий.

¹ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1958, т. I—II, с. 127.

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.— Л., 1941, с. 310.

³ См.: Потебня А. А. Указ. соч., с. 128; Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики.— М.— Л., 1935, с. 197; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— М., 1934, с. 133; Шахматов А. А. Указ. соч., с. 357.

⁴ См.: Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1947, с. 380; Черкасова Е. Т. Переход однозначных слов в предлоги.— М., 1967, с. 49.

⁵ Там же, с. 395; с. 16—17.

⁶ Палей историческая. / Изд. А. Попов.— Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1881, январь — март, кн. I, с. 91.

⁷ Житие Нифонта по сп. 1219 г.: Матеріяли історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. / Изд. А. В. Ристенко.— Одеса, 1928, с. 274.

⁸ Полное собрание русских летописей.— М.— Л., 1949, т. 25, с. 82.

⁹ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе.— Петроград, 1920, т. 1, л. 51 б.

¹⁰ Житие и хождение Даниила русьския земли игумена: Православный Палестинский сборник.— СПб, 1885, т. 1, вып. 3; т. 3, вып. 9, с. 18.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.— М.— Л., 1950, с. 46.

¹² Полное собрание русских летописей.— М., 1962, т. 2, л. 281.

¹³ Псковские летописи.— М., 1955, вып. II, л. 232.

¹⁴ Успенский сборник XII—XIII вв.— М., 1971, л. 152 в.

¹⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и др. сочинения.— М., 1960, с. 238.